

А. А. Селин

НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия. aselin@hse.ru

КОЛЫМАЖКИ, КАЛАЧИ И ВИНО. ЕЩЕ РАЗ О ВСТРЕЧЕ ПРИНЦА ХАНСА В МОСКОВСКОМ ЦАРСТВЕ

Статья посвящена организации встречи датского принца Ханса в Ивангороде и Новгороде в 1602 г. В статье исследуется, как именно Посольский приказ и новгородские власти предпринимали усилия по мобилизации ресурсов в экстраординарной ситуации встречи европейского принца – жениха царевны Ксении Борисовны. Подробно рассматривается, как были организованы транспорт для принца, питание принца и его свиты, обеспечение их вином и пивом в контексте ресурсных возможностей рубежа XVI–XVII вв.

Ключевые слова: колымаги, принц Ханс Датский, рейнское вино, встреча иноземцев

Встреча в 1602 г. датского принца Ханса, несчастного жениха царевны Ксении Годуновой, в Ивангороде и Новгороде, а также проводы его из Новгорода в Москву – хорошо документированное событие. Оно, кроме всего прочего, очень выпукло показывает важные особенности администрирования, сложившиеся к началу XVII в. в российской (московской?) культуре управления: мобилизация служилых людей (в том числе и для невоенных задач), экстренные работы по дорожному благоустройству, а также собственно способы реализации дипломатических процедур. Все эти вопросы так или иначе освещались в историографии [Щербатов; Флоря; Юзефович; Селин, 2022]. Сделан и обзор сохранившихся источников о визите принца [Селин, 2017]. Весьма примечательно сравнение данной встречи с состоявшейся тремя годами ранее встречей шведского принца Густава Эрикссона [Толстиков], гораздо хуже документированной. Здесь обратим внимание на то, как летом 1602 г. местные и центральные власти старались обеспечить передвижение и стол для датского принца. Основным источником для данного исследования являются столбец из «Датских дел» Посольского приказа¹, а также комплекс документов коллекции 183 («Новгородские акты»), хранящийся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – НИИ СПбИИ РАН). Именно эти источники, в сопоставлении с двумя датскими травелогами², представляют основную информацию о мероприятиях по встрече принца. Примечательно, что такого сопоставления нельзя (было?) сделать при изучении встречи другого, более раннего, датского посольства Якоба Ульфельдта: документация Посольского приказа об обеспечении посольства не сохранилась и исследование миссии Ульфельдта основано прежде всего на датских документах [Антонов, Хорошкевич].

Готовиться к этой встрече в Великом Новгороде и Ивангороде начали еще в марте 1602 г. Тогда было неясно, сколько человек приедет с принцем в Россию, и ивангородским властям требовалось вести подготовку к встрече посольства без этой информации. Но чрезвычайные мероприятия начались в июне – июле 1602 г., одновременно с приездом на Северо-Запад боярина М. Г. Салтыкова и думного дьяка А. И. Власьева, наделенных широкими полномочиями (так, они направляли свои отписки на царское имя, минуя новгородские власти).

Колымажки и суда

Для встречи принца и обеспечения его дороги в Москву в июле 1602 г. в Новгороде Великом собрали колымажки, возки и кочи. Именно в них принц Ханс со свитой должны были пере-

¹ РГАДА. Ф. 53. 1602 г. Д. 1.

² *Аксель Гюльденстиерне*. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию в 1602 г. / [Публ.: Ю. Н. Щербачев]. М., 1908; [Селин, Закржевская].

двигаться по летнему сухому пути от Ивангорода до Новгорода и от Новгорода до Москвы. Впрочем, позднее путь принца был скорректирован, и от Вышнего Волочка его приставам было указано сопровождать принца не по Большой Московской дороге, а свернуть на Старицу и только от Старицы к Москве. Сохранилось несколько документов, относящихся к попыткам новгородских властей собрать в Новгороде Великом все имеющиеся мало-мальски пригодные для перевозки принца парадные кареты – колымажки, дабавок к трем специально присланным из Москвы.

Сам вопрос об использовании колесных экипажей в московской культуре раннего Нового времени хорошо разработан. Об этом подробно писал С. М. Шамин [Шамин]. На наличие в Москве колымаг в августе 1583 г. на встрече Дж. Боуса обратил внимание недавно К. Ю. Ерусалимский [Ерусалимский]. Однако, как представляется, данные о колымажках и возках, которые были приготовлены в 1602 г. в Великом Новгороде, вносят некоторые (прежде всего хронологические) коррективы в выводы С. М. Шамина о том, что «кареты стали частью повседневного быта верхушки русской знати» во второй половине XVII в.

Вероятно, распространение карет имело место и ранее и даже не только среди верхушки дворянства, но и среди верхов новгородского посада; надо думать, что данная традиция могла на десятилетия исчезнуть в годы Смуты.

Многократно упомянутая в литературе «карета (вар.: колымажка) Бориса Годунова» [Арел, Богатырев, с. 443–446; Когут; Пчелов] появилась в Москве двумя годами позже, чем те колымажки, которые обнаружили в Новгороде тамошние власти в 1602 г. (и которые наверняка были ранее приметны на городских улицах), но можно предположить, что эти ее современницы были также европейского производства; представления о них как о парадных средствах передвижения уже существовали у тех, кто принимал решение о церемонии приема принца Ханса летом 1602 г.

Новгородские власти смогли отыскать две частные колымажки у гостей Юрия Иголкина (у того была «киноваренная колымажка» с окованными колесами) и Федора Прокофьева, а также один парадный возок на митрополичьем дворе. Сохранились описи этих карет, находившихся в довольно плохом состоянии. Обращает на себя внимание то, что эти несомненно малоизвестные в московской культуре предметы обихода находились в начале XVII в. в частных руках. В ситуации мобилизации всех наличных ресурсов перед приездом принца они с легкостью были изъяты для нужд дипломатического протокола, как, впрочем, были очищены для приезда принца и несколько десятков дворов лучших новгородских посадских людей.

20 июля 1602 г. в Новгород Великий с дворцовым конюхом Гаврилой Захаровым из Москвы прибыли три «колымажки киноваренные новые»³. 3 августа из Ивангорода пришел запрос на присылку колымажек и возков⁴, а 4 августа пять колымажек, отчасти отремонтированные и доукомплектованные новгородскими властями, были отправлены в Ивангород с подьячим Немиром Ручкиным. Интересно, что ранее изъятая на митрополичьем дворе колымажка была переквалифицирована в возок, при том что имела колеса⁵. Больше, согласно розыску новгородских властей, никакого достойного свиты принца транспорта в Новгороде не имелось. К собранным в Новгороде колымажкам у их хозяев не нашлось припряжных лошадей и хомутов, и новгородские власти спешно добывали лошадей и изготавливали хомуты⁶. В Ивангороде остались недовольны и тем, что удалось найти новгородским властям: у колымажек и у возка колесное железо во многих местах оказалось испорчено. В росписи, которую прислали новго-

³ НИА СПб ИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 11; Д. 9; Д. 3.

⁴ НИА СПб ИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 15.

⁵ НИА СПб ИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 16.

⁶ НИА СПб ИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 43.

родские власти боярину М. Г. Салтыкову, было написано, что запасные колеса больших колымаг окованы железом, но на прибывших в Ивангород колымажках «окованных колес нет ни одного колеса». Салтыков и Власьев сурово писали в Новгород о том, что еще немного подождут и попытаются что-то отремонтировать; если колымажки в таком виде пригодятся «для государева дела», то будут их использовать, в противном же случае – отошлют все обратно в Новгород⁷.

Получив известие о приходе датских кораблей в Наровское устье, боярин М. Г. Салтыков и думный дьяк А. И. Власьев отправили туда новгородских дворян (Аксентия Сназина (в годы Смуты он проведет несколько лет в заключении вместе с Филаретом Романовым), Семена Апрелева и толмача Гаврила Бекетова⁸) с судами, которые должны были сопровождать принца со свитой в Ивангород. Для принца было приготовлено парадное судно: «а на судне зделан чердак, изнутри подволочен до лавок бархатом червчатым, а от лавок до помосту и помост слан ковры, а верх у чердака покрыт сукном багрецом, а набой у судна и по набоем решетки, покрыты красками розными»⁹. Еще 30 судов предназначались для свиты. На берегу у ивангородской пристани был разбит шатер. Именно в нем принц принял боярина Салтыкова и думного дьяка Власьева. После встречи принц уехал отдыхать в уже приготовленном возке¹⁰. Интересно, что впоследствии из Новгорода к Бронницам принц Ханс тоже должен был плыть на судне, подготовить которое было поручено подьячему Немиру Ручкину, «образец королевичева судна ... [подьячему было] казано в Ыванегороде»¹¹.

Уже в тот момент, когда корабль принца Ханса пристал в Нарвском устье, боярин М. Г. Салтыков и думный дьяк А. И. Власьев приказали новгородским властям «сделать под королевичев возок колеса восковые и, оковав железом на немецкое дело, и окрасити киноварем или суриком накрепко, а сколь велики колеса делать, и тому послали к вам меру». Кроме того, для перевозки свиты принца следовало изготовить сотню легких и крепких телег, к ним – 100 хомутов «с дугами и с поводы»¹². За телегами, дугами и хомутами в колесные слободы Сольцу и Мусцу на Шелони тут же был отряжен подьячий Дема Семенов. Для срочно изготавливавшихся колес новгородские власти выдали ему образец. Если бы он не нашел в слободах столько готовых телег, ему следовало везти в Новгород все наличествующие, а остальные колесные мастера должны были под страхом наказания доставить в Новгород к 22 августа, когда ожидался приезд принца. Не вполне понятно, на чем из Ивангорода в Новгород должна была добираться свита принца¹³; новгородские же власти опасались (или хотели себя защитить своевременным обозначением проблемы): «неведомо, к королевичеву приезду телеги поспеют ли, потому что колесная слобода от Новагорода 70 верст, и тележные запасы готовые сухие есть ли?»¹⁴.

Судно должно было сохраняться – в июне 1604 г. ивангородские воеводы получили наказ готовить это судно для имперского посла Генриха фон Логау: «Да и из Ямыгорода цесаревых послов велели про посла дать судно, на котором судне ехал дацкой Яган Королевичь; будет то судно попортилось, и вы б тот час то судно велели поделати с чердаком; да и иные б естя суды про послов, и про дворян, и про их люди и под запасы велели изготовить в Яме и послали их наперед»¹⁵. Тогда же новыми новгородскими властями у гостя Юрия Иголкина снова была взята та же самая колымажка, которая использовалась для встречи принца Ханса, только названа

⁷ НИА СПб ИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 44.

⁸ Подробнее о нем см.: [Селин, 2023].

⁹ РГАДА. Ф. 53. 1602 г. Д. 1. Л. 91–96.

¹⁰ Там же.

¹¹ НИА СПб ИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 48.

¹² НИА СПб ИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 28.

¹³ НИА СПб ИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 27.

¹⁴ НИА СПб ИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 30.

¹⁵ Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Сношения с Римской империей. СПб., 1852. Т. 2. Стб. 825–837.

она уже «кареткой литовской плетеной»¹⁶. По наблюдениям С. М. Шамина, о сходной повозке, налечествовавшей в Новгороде, можно говорить и в 1608 г. – она фигурирует в продажной описи имущества растерзанного новгородцами М. И. Татищева: «Корета плетена, колеса окованы железом, цена пол 2 рубли; взял Иван Борисов сын Воейков за рубль 20 алтын»¹⁷. С. М. Шамин предполагает, что речь может идти об одном и том же экипаже.

Калачи

Питание принца и многочисленной свиты было одной из самых сложных задач для ивангородских властей. Они должны были получить из Москвы «3 четверти муки крупчатые, 10 ведер меду малинового, 150 полоть ветчины, 500 полоть свиного мяса», из Новгорода – 15 ведер вишен в патоке (прислали только бочку), 250 пудов пресного меда. Самим же ивангородским властям нужно было раздобыть 30 ведер романи и 40 ведер «ренского», подготовить 500 четвертей ячного солода для пивоварни, 500 четвертей ржаного солода, 300 ведер водки, 200 яловиц, 300 баранов, «да в муку смолоть ржи 1500 четвертей да пшеницы смолоть 300 четвертей пшеничной муки, да на вино и на роскожее пиво и на всякие расходы 500 четвертей муки овсяные». В целом все эти распоряжения были более или менее исполнены, за исключением виноградного вина (о чем будет сказано ниже)¹⁸. Несмотря на поддержку запасами из Москвы и Новгорода, основной груз забот пал на ивангородские власти. При этом, по их словам, в Ивангороде было невозможно найти хлебников, которые из особой крупитчатой муки могли бы печь специальные крупитчатые же калачи. Воевода князь В. И. Ростовский писал, что «в Иванегороде посадские люди молотчие, ими в нынешнее голодное время тех запасов вскоре изготовить не мочно». Это почти единственное упоминание о «великом голоде» в документах, связанных с приездом принца Ханса¹⁹. Местные власти не брали на себя ответственность за то, какими калачами кормить принца и его свиту: и для печения калачей (как и для меры вина и водки) они запрашивали себе образцы. Эти образцы новгородские власти дождались от боярина Салтыкова и думного дьяка Власьева только к 18 августа 1602 г.²⁰ При этом попытки новгородских властей обезопасить себя своевременным указанием на невозможность исполнить царские повеления дезавуировались московскими приказными. Из Москвы им писали в ответ на то, что ветчины мало, «а колачей крупитчатых пшеничных печь некому, а ноугородцкие колачники будто печи не умеют, и медов красных и белых против нынешней росписи мало», что ивангородским воеводе князю В. И. Ростовскому и дьяку Данилу Яковлеву приказано прислать в Новгород 300 полтей ветчины, «только в Тесово чаят не поспеет». Новгородские же власти должны были поставить в ближние станы на Ивангородской дороге (в Тесово, на Мокрицы, в Вяжицкий монастырь) крупитчатые и пшеничные калачи. Приказные указывали на то, что отговорки новгородских воевод о том, что в Новгороде некому печь такие калачи, не будут приниматься во внимание: «колачи крупитчатые и пшенишные испекли ивангородские колачники, а ноугородцким колачникам как не уметь? А се в Новегороде есть приспешники на митрополчьем дворе». Им следовало печь «калачи и хлебы» вместе с новгородскими калачниками и хлебниками. Сама же задача испечь калачи «против государева столового калача в полы» была, как представлялось из Москвы новгородскому дьяку Второму Поздееву, «за обычаем». Красный, белый мед и пиво, которые не удалось бы купить, Посольский приказ указывал за-

¹⁶ Там же. Стб. 861–885.

¹⁷ Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 8. Смес. С. 14.

¹⁸ РГАДА. Ф. 53. 1602 г. Д. 1. Л. 36–40.

¹⁹ Там же.

²⁰ НИИ СПбИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 28.

братъ «на митрополичьем погребѣ, в монастырях и у гостей, да изготовить и сверх росписи для запроса всяких запасов»²¹.

Вино

На обиход датского принца требовалась поставка итальянского и рейнского вина.

Данного (виноградного) вина летом 1602 г. не было возможности найти не только в Великом Новгороде. Запрос новгородских властей о вине был направлен в Псков, а также в соседнюю Нарву. Однако виноградное вино в этой части Европы летом 1602 г. отсутствовало. Лишь по запросу новгородских властей, поддержанному наделенными экстренными полномочиями боярином М. Г. Салтыковым и дьяком А. И. Власьевым, виноградное вино было прислано в Новгород из Москвы, из Приказа Большого дворца.

Надо сказать, что вопрос об употреблении виноградного вина в Новгороде Великом начала XVII в. довольно прост: вина в Новгороде не было. Хорошо разобран вопрос о кабацкой торговле в Новгороде Великом в годы Смуты; кабацкие книги начала XVII в., равно как и данные о крестьянском винокурении 1611–1614 гг., введены в научный оборот [Nordlander, Sunberg]. Однако вся имеющаяся информация об употреблении алкоголя относится к крепким напиткам, а также меду и пиву. Как выясняется, ни накануне Смуты, ни в годы «шведской оккупации» 1611–1617 гг. импортное виноградное вино в Новгород Великий не поступало. Исследование истории поставок виноградного вина в Московское царство в XVI – начале XVII в. имеет небольшую историографию. Специально этот вопрос был рассмотрен В. Б. Перхавко [Перхавко], показавшим, что виноградное вино (преимущественно испанское), с середины XVI в. завозившееся англичанами, концентрировалось (и распределялось) в Москве; его отсутствие в руках новгородской администрации в 1602 г., таким образом, неудивительно; гораздо более странно, что вина не было в Нарве. Все рейнское вино на востоке Балтики в то время было у «московского немчина» Йоахима («Ефима») Смита, да и у того в запасах нашлось только 20 ведер «ренского»²². Другое питье для принца и его свиты – разные меды и пиво, а также «горячее вино», то есть водка, – были успешно заготовлены – сварены и выгнаны. Примечательно, что новгородские воеводы получили от боярина М. Г. Салтыкова также образцовые мерные ведро и чарку²³.

Интересно при этом, что семью годами ранее, летом 1595 г., когда из Стокгольма отправлялись комиссары для размежевания северной части границы, Матс Ларссон Крус, наместник в Выборге, также не смог выделить требуемую партию вина в Саво; Арвид Таваст, губернатор Финляндии, не смог найти вина ни в Або, ни в Хельсингфорсе, ни в Борго; недостаток вина объяснялся тем, что ни весной, ни летом в финляндские города не прибыл ни один корабль из Германии [Tawastjerna, s. 447, huom. 4]. Однако той части шведской комиссии, которая двигалась на самый северный участок маркируемой границы в Стокгольме, смогли найти «испанское, французское и рейнское вино» [Tawastjerna, s. 467, huom. 4].

* * *

Получилось ли организовать достойный прием принца? Видимо, с точки зрения приказного/воеводского учета – да. В дневнике А. Гюльденстиерне, секретаря датской миссии, колымажка, в которой принц путешествовал от Ивангорода до Новгорода, описана весьма причудливо: «... роскошно убранную повозку, запряженную шестью серыми лошадьми в сбруе

²¹ НИА СПбИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 34.

²² РГАДА. Ф. 53. 1602 г. Д. 1. Л. 36–40.

²³ НИА СПбИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 28.

из красного бархата. Железо ее было везде посеребрено. В повозке были бархатные подушки из красного, зеленого, желтого и белого травчатого бархата, вытканые по золотому полю дамасскими узорами; они были набиты хлопчатой бумагой. Верх повозки был из красного и белого травчатого армянского дамаса, с мелкими весьма красивыми узорами. Повозка эта с упомянутыми лошадьми и всеми принадлежностями была подарена (герцогу) царевичем»²⁴. Сложно сказать, о какой именно колымажке шла речь в данном описании (полагаю, что, скорее, об одной из присланных из Москвы). От Ивангорода до Новгорода принц доехал, видимо, в колымажке; однако дальнейший путь в Москву совершал уже верхом (а часть свиты – водным путем). В голодный год запасов было изготовлено с избытком. Ивангородский дьяк Данило Яковлев осенью 1602 г. писал, что за пять дней пребывания в Ивангороде принц и его свита не смогли употребить их все. За пару месяцев хранения «достальные питья, меда и пива окисли и испортились»²⁵.

Литература

- Антонов В. А., Хорошкевич А. Л. Якоб Ульфельдт и его записки о России // Якоб Ульфельдт. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 78–143.
- Ареп М. С., Богатырев С. Н. Англичане в Москве времен Бориса Годунова (По документам посольства Т. Смита, 1604–1605 годов) // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 439–455.
- Ерусалимский К. Ю. Путешествия цариц, царевичей и царевен в России XV–XVI вв.: (по миниатюрам Лицевого летописного свода) // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. М., 2023. № 31. С. 44–109. DOI 10.32608/2307-8383-2023-31-44-109
- Козут Е. В. Английская карета царя Бориса Годунова. М., 2015. 53, [2] с.
- Перхавко В. Б. Об импорте и употреблении виноградного вина в средневековой Руси // История пищевой культуры и трезвеннического движения в России с древнейших времен до наших дней. СПб., 2021. С. 310–312.
- Пчелов Е. В. Четыре животных в русской государственной эмблематике первой трети XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. М., 2016. С. 53–54.
- Селин А. А. Комплекс материалов коллекции 183 («Новгородские акты») из Научного архива Санкт-Петербургского института истории как источник для изучения визита датского принца Ханса в Московское государство в 1602 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1. С. 162–179.
- Селин А. А. За сто лет до Петербурга. Какими были мобилизационные возможности новгородских властей в конце XVI – начале XVII в. // Человек и власть в России XVII–XVIII веков. Сборник статей к 75-летию Е. В. Анисимова. СПб., 2022. С. 24–35.
- Селин А. А. Толмачи похода принца Ханса Датского к Москве в августе – октябре 1602 г. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. М., 2023. Вып. 3. С. 314–321.
- Селин А. А., Закржевская Ю. П. Датское свадебное посольство 1602 г.: источники и историческая память // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М., 2018. С. 301–320.
- Толстиков А. В. Судьба шведского королевича Густава в контексте истории Балтийского региона на рубеже XVI–XVII вв. // Материалы Международного научного семинара «Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы». СПб., 2013. С. 58–60.
- Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973. 220 с.
- Шамин С. М. Кареты в быту русской знати // Позднесредневековый город II. Археология. История. Тула, 2009. С. 206–210.

²⁴ Аксель Гюльденстиерне. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию в 1602 г. С. 7.

²⁵ РГАДА. Ф. 53. 1602 г. Д. 1. Л. 275.

Щербатов М. М. История Российская с древнейших времен. СПб., 1904. Т. 7. Ч. 1. [8] с., 430 стб., 1 л. табл.

Юзефович Л. А. Путь посла. СПб., 2007. 340, [2] с.

Nordlander I., Sundberg H. Novgorod Taverns during the Swedish Occupation 1611–1617 // Подобаеъ память сътворити. Essays to the Memory of Anders Sjöberg. Stockholm, 1995. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies. 24). P. 139–156.

Tawastjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha. Helsinki, 1929. X, 536, 20, VIII s.

References

Antonov, V. A., Khoroshkevich, A. L. Yakob Ul'fel'dt i ego zapiski o Rossii [Jacob Ulfeldt and His Notes on Russia]. In *Yakob Ul'fel'dt. Puteshestvie v Rossiyu*. Moscow, 2002. Pp. 78–143.

Arel, M. S., Bogatyrev, S. N. Anglichane v Moskve vremen Borisa Godunova (Po dokumentam posol'stva T. Smita, 1604–1605 godov) [The British in Moscow during the Time of Boris Godunov (According to the Documents of the Embassy of T. Smith, 1604–1605)]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1997 god*. Moscow, 1997. Pp. 439–455.

Erusalimskii, K. Yu. Puteshestviya tsarits, tsarevichei i tsareven v Rossii XV–XVI vv.: (po miniaturam Litsevevogo letopisnogo svoda) [Travelling Tsarina, Tsarevich and Tsarevna in Muscovite State, 15th – 16th Centuries: (Miniatures of the Great Illustrated Chronicle)]. In *Adam & Eva. Al'manakh gendernoi istorii*. Moscow, 2023. No. 31. Pp. 44–109. DOI 10.32608/2307-8383-2023-31-44-109

Florya, B. N. Russko-pol'skie otnosheniya i baltiiskii vopros v kontse XVI – nachale XVII v. [Russian-Polish Relations and the Baltic Question in the Late 16th – Early 17th Centuries]. Moscow, 1973. 220 p.

Kogut, E. V. Angliiskaya kareta tsarya Borisa Godunova [The English Carriage of Tsar Boris Godunov]. Moscow, 2015. 53, [2] p. Nordlander, I., Sundberg, H. Novgorod Taverns during the Swedish Occupation 1611–1617. In *Podobaet' pamyat' s'tvoriti. Essays to the Memory of Anders Sjöberg*. Stockholm, 1995. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies. 24). Pp. 139–156.

Pchelov, E. V. Chetyre zivotnykh v russkoi gosudarstvennoi emblematike pervoi treti XVII v. [Four Animals in the Russian State Emblem of the First Third of the 17th Century]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, 2016. Pp. 53–54.

Perkhavko, V. B. Ob importe i upotreblenii vinogradnogo vina v srednevekovoi Rusi [About the Import and Consumption of Grape Wine in Medieval Rus]. In *Istoriya piteinogo dela i trezvennicheskogo dvizheniya v Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. Saint Petersburg, 2021. Pp. 310–312.

Selin, A. A. Kompleks materialov kollektzii 183 ("Novgorodskie akty") iz Nauchnogo arkhiva Sankt-Peterburgskogo instituta istorii kak istochnik dlya izucheniya vizita datskogo printsa Khansa v Moskovskoe gosudarstvo v 1602 g. [Complex of Documents of the Collection 183 ("Novgorodian Acts") from the Archive of the St Petersburg Institute of History as a Source for the Study of Danish Prince Hans' Visit in Muscovy in 1602]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2017. No. 1. Pp. 162–179.

Selin, A. A. Za sto let do Peterburga. Kakimi byli mobilizatsionnye vozmozhnosti novgorodskikh vlastei v kontse XVI – nachale XVII v. [A Hundred Years before St. Petersburg. What Were the Mobilization Capabilities of the Novgorod Authorities at the End of the 16th – the Beginning of the 17th Century]. In *Chelovek i vlast' v Rossii XVII–XVIII vekov. Sbornik statei k 75-letiyu E. V. Anisimova*. Saint Petersburg, 2022. Pp. 24–35.

Selin, A. A. Tolmachi pokhoda printsa Khansa Datskogo k Moskve v avguste – oktyabre 1602 g. [Interpreters of Prince Hans of Denmark's March to Moscow in August – October 1602]. In *Perevodchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2023. Issue 3. Pp. 314–321.

Selin, A. A., Zakrzhevskaya, Yu. P. Datskoe svadebnoe posol'stvo 1602 g.: istochniki i istoricheskaya pamyat' [The Danish Wedding Embassy in 1602: Sources and Historical Memory]. In *Tri daty tragicheskogo pyatidesyatiletiya Evropy (1598–1618–1648): Rossiya i Zapad v gody Smuty, religioznykh konfliktov i Tridtsatiletnei voyny*. Moscow, 2018. Pp. 301–320.

Shamin, S. M. Karety v bytu russkoi znati [Carriages in the Life of the Russian Nobility]. In *Pozdnesrednevekovi gorod II. Arkheologiya. Istoriya*. Tula, 2009. Pp. 206–210.

Shcherbatov, M. M. Istoriya Rossiiskaya s drevneishikh vremen [Russian History since Ancient Times]. Saint Petersburg, 1904. Vol. 7. Part 1. [8] p., 430 col., 1 l. of tabl.

Tawastjerna, W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha. Helsinki, 1929. X, 536, 20, VIII s.

Tolstikov, A. V. Sud'ba shvedskogo korolevicha Gustava v kontekste istorii Baltiiskogo regiona na rubezhe XVI–XVII vv. [The Fate of the Swedish Prince Gustav in the Context of the History of the Baltic Region at the Turn of the 16th – 17th Centuries]. In *Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara "Istoricheskie biografii v kontekste regional'nykh i imperskikh granits Severnoi Evropy"*. Saint Petersburg, 2013. Pp. 58–60.

Yuzefovich, L. A. Put' posla [The Ambassador's Path]. Saint Petersburg, 2007. 340, [2] p.

Adrian A. Selin

HSE University – Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

CARRIAGES, KALACHS AND WINE.
TOWARDS THE STUDYING OF PRINCE HANS' MEETING IN MUSCOVY

The article is about the process of organizing the meeting of Prince Hans of Denmark in Novgorod the Great and in Ivangorod in 1602. The article observes in details of how the Ambassadorial Chancery (Posolsky Prikaz) and Novgorod powers made efforts to mobilize resources in an extraordinary situation of meeting a European prince – Xenia Godunova's groom. Supporting prince and his retinue with transport, food, wine and beer in the context of resource possibilities around 1600 are under consideration.

Keywords: carriages, Prince Hans of Denmark, Rein wine, meeting of foreigners